

А.Г. Ларин

ИДВ РАН

**«Черкизон», «серая растаможка»
и их китайское эхо**

В июне 2009 г. в Москве был закрыт Черкизовский рынок – место сосредоточения иностранных коммерсантов, в том числе китайских. Событие это живо обсуждалось в московской, да и не только московской прессе, поскольку процесс ликвидации рынка сопровождался громкими скандалами. В судьбе рынка принимали участие, наряду с властями Москвы, высокопоставленные чиновники из КНР и дипломаты обоих государств, однако на российскую общественность это событие особого впечатления не произвело. Интернет-опрос, проведённый «Известиями» [7], дал такие результаты: 82% опрошенных одобрили действия властей и только 18% остались недовольны¹.

В Китае же реакция общественного мнения была гораздо более острой и глубокой. Мало того, что китайская пресса, как и российская, внимательно отслеживала весь ход событий в далёкой Москве [12]. Китайские учёные в ходе встреч с российскими коллегами неизменно поднимали тему несправедливых и неправомерных шагов московской администрации, история «Черкизона» подробно излагалась и анализировалась в научной периодике и по горячим следам, и годы спустя. Последняя из известных нам работ на эту тему под названием (в переводе на русский) «Анализ влияния национального характера и психологии на народный обмен между Китаем и Россией на примере Черкизовского рынка» была опубликована в июне 2012 г., в годовщину закрытия рынка в журнале *Хуацяо хуажэнь лишэ яньцзю* [1, с. 7–18]. Она интересна своей интерпретацией черкизовского эпизода и целого ряда других событий того же типа. Но, чтобы лучше понять развиваемый в статье подход, необходимо сначала кратко рассказать о том, что происходило на крупнейшем московском рынке в 2009 г. Начать придётся с небольшой предыстории.

© Ларин А.Г., 2013

В сентябре 2008 г. в китайской прессе появились сообщения о том, что на Черкизовском рынке была проведена большая проверка товаров, в ходе которой были арестованы партии китайской обуви, одежды, чулочных изделий приблизительно на 2 млрд. долл., от чего пострадали более 2 тысяч фирм Чжэцзяна, Фуцзяни, Цзянсу, Шаньдуна, Сычуани [16]. В июне 2009 г. факт обнаружения контрабандного груза стал достоянием российской прессы. Груз был ввезён через Балтийскую таможню – ту же, которая ранее фигурировала в скандальном деле о крупной контрабанде компании «Три кита» – и размещался в 6 тыс. контейнеров на складах компаний группы «АСТ», принадлежавших известному бизнесмену Тельману Исмаилову. В 58 контейнерах частичная проверка обнаружила детскую одежду и обувь, не соответствующую санитарным нормам и потому не пригодную для употребления [22]. Следственный комитет при Прокуратуре РФ возбудил уголовное дело, но – увы! – не смог найти хозяев груза (!), и в конце концов дело ушло в песок. Адвокаты г-на Исмаилова объяснили, что тот, будучи, действительно, хозяином места на рынке, не имел отношения к появившимся там контейнерам. Подчеркнём: китайцы не были хозяевами груза, не они его ввезли, и Следственный комитет не искал его владельцев среди китайских коммерсантов.

Шум, поднятый в прессе, побудил московские власти вернуться к давней теме о необходимости закрытия Черкизовского рынка и, возможно, послужил дополнительным толчком к его сносу – во всяком случае, после ликвидации рынка о 6 тыс. контейнеров с контрабандными товарами в России уже не вспоминали. Реальными же причинами закрытия рынка послужили, судя по всему, меркантильные интересы влиятельных групп, способных воздействовать на политику московских властей. Официальной причиной (в которую, надо сказать, мало кто поверил) было объявлено нарушение на территории рынка санитарных и противопожарных правил. Но через прессу московским чиновникам удалось в значительной мере создать впечатление, что рынок закрыли в порядке борьбы с нелегальными формами торговли и нелегальной миграцией, прежде всего китайской. Если вдуматься, это было совершенно нелепое объяснение: какая же это борьба, если все правонарушители остаются на свободе и имеют неограниченные возможности перейти на другие рынки (что они и сделали) и там продолжить свою незаконную деятельность? И правомерно ли, закрыв рынок, тем самым единым махом покарать всех – и российских торговцев, и китайцев, и нарушающих закон, и законопослушных?

(Кстати сказать, на Черкизовском рынке незадолго до закрытия была проведена проверка документов у 4 000 работавших там ино-

странных граждан. Из них нелегальными оказались около 900 чел. [21], в том числе китайцев – 150 чел., среди которых 50 – с просроченными визами, а 100 остались без работы из-за кризиса [19]. Между тем, доля китайских коммерсантов на рынках Центрального федерального округа составляла около 80% [8, 31.01.2007], из чего следует, доля нелегалов среди китайских мигрантов была относительно невелика).

Как бы то ни было, утром 29 июня 2009 г. пришедшие на работу торговцы обнаружили, что рынок безо всякого предварительного предупреждения опечатан на неопределённое время, и таким образом они лишены не только рабочих мест, но и доступа к своим собственным товарам. Суммарная стоимость товаров оценивалась в 5–8 млрд. ам. долл. Попытки китайских коммерсантов вместе с вьетнамскими в знак протеста перекрыть Щёлковское шоссе и провести митинг в центре Москвы были легко блокированы милицией.

Эта история приобрела широкую огласку в Китае, и разразился небольшой международный скандал. В действие пришлось вступить дипломатическим ведомствам обоих государств. В Москву в срочном порядке прибыла из Пекина делегация министерства коммерции; Союз китайских предпринимателей в России создал временную координационную группу, добившуюся права совместно с российскими чиновниками проверять нарушения на рынке. В конце концов российским властям пришлось снять свой запрет, и китайские коммерсанты смогли вывезти свои товары с рынка. Однако в обстановке хаоса и противодействия со стороны администрации немалая часть товаров оказалась расхищенной или конфискованной. Контрабандные товары, хранившиеся в 6 тыс. контейнеров, куда-то исчезли.

«После конструктивной работы и дружественных консультаций, – сообщала китайская пресса, – стороны достигли широкого понимания». В свете достигнутого понимания китайская сторона вежливо напомнила: «В течение последних двадцати лет народная торговля вносила в развитие торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией вклад, который нельзя недооценивать». Было отмечено, что «проблема „серых схем“ растаможивания стала серьёзным препятствием на пути здорового развития народной торговли между двумя странами». Была выражена надежда, что «российская сторона реально защитит личную безопасность и имущество китайских граждан во избежание нанесения ущерба достоинству китайцев и с целью минимизации их экономических потерь» [6].

На этом, однако, проблемы для изгнанников с «Черкизона» не кончились. Городские власти ничего не сделали, чтобы помочь им.

Мэр столицы Ю.М. Лужков, сторонник ограничения притока мигрантов в Москву, пообещал поддержать отечественных предпринимателей, но вместе с тем подчеркнул, что в задачи городских властей «не входят вопросы размещения китайской торговли». В этих условиях часть коммерсантов была вынуждена вернуться на родину, а большинство перебазировалось на другие московские рынки. Арендная плата на этих рынках мгновенно выросла на порядок, что больно ударило и по «новичкам», и по «старожилам», а появление там массы новых людей и товаров причинило большие неудобства не только самим коммерсантам, но и местным жителям, вызвав с их стороны недовольство и протесты, объектами которых иностранцы не могли себя не чувствовать.

Бесцеремонное закрытие Черкизовского рынка, выглядевшее как посягательство на имущество коммерсантов, иначе говоря, как попытка их ограбления на миллиардные суммы, можно считать уникальной акцией, однако другие способы отъёма китайских товаров практикуются достаточно широко. Это такие операции, организаторами которых являются российские структуры, но прим этом китайская сторона формально нарушает закон и в случае провала несёт убытки, а российские участники аферы остаются безнаказанными.

Мы имеем в виду прежде всего распространённую в практике импорта китайских (и не только китайских) товаров так называемую «серую растаможку». Суть её состоит в том, что груз ввозится в Россию через некие российские брокерские компании, которым владелец груза оплачивает разом и транспортировку, и таможенные пошлины, после чего товар доставляется в указанное место, но без должным образом оформленных документов о прохождении таможни. (Иногда к «серой растаможке» относят также не облагаемый пошлинами провоз товаров «челноками» в качестве личного багажа).

«Пакетный» способ провоза товаров через границу позволяет их хозяевам экономить время и средства. Основная клиентура «серой растаможки» – мелкие и средние фирмы, т.е. субъекты «народной торговли». Они утверждают, что вынуждены пользоваться серыми схемами, так как таможенные тарифы в России чрезмерно высоки, особенно на обувь, пуховые изделия и т.п., и проводить эти товары через таможню обычным путём им просто не под силу. Они жалуются также на сложность и длительность процедур таможенной очистки, способной попросту перекрыть товару дорогу к рынку.

Введённая ещё в 90-е годы «серая растаможка», как отмечают китайские эксперты, «быстро заменила собой прежний метод, основанный на занижении стоимости товаров при их декларировании на

таможне. Она открыла новые области китайско-российской народной торговли и быстро привела к многократному увеличению её объёма – как если бы тигру приделали крылья» [15, с. 74, 75]. Более того, этот двусмысленный способ прохождения таможни стал преобладающим, и в этой оценке сходятся специалисты обеих стран. По мнению российского Центра стратегических разработок, «основная часть китайского экспорта в Россию фактически не подвергается формальной процедуре растаможивания и является объектом так называемой „серой растаможки“» [10]. По словам китайских партнёров, «после 2000 г. компании, занимающиеся таможенной очисткой, заняли едва ли не монопольное положение, и в течение определённого периода „серая растаможка“ стала почти единственным каналом для российского импорта» [16]. Свидетельством в пользу этих утверждений может служить исчисляемая миллиардами разница между китайскими данными об экспорте в Россию и российские данные об импорте из КНР (среди других причин столь значительного расхождения называют и ввоз товаров в Россию челноками в качестве личных вещей). Серый импорт наносит серьёзный ущерб российскому государству: он сокращает объём поступлений в бюджет и служит одной из причин дешевизны китайских товаров на нашем рынке, что создаёт давление на отечественного производителя – хотя, с другой стороны, отвечает интересам российского потребителя. Между тем, ещё пять лет назад возглавлявший в то время Минэкономразвития Г. Греф отмечал, что, «российская лёгкая промышленность очень чувствительно реагирует на ситуацию в данной сфере, и при улучшении ситуации с таможенным администрированием способна быстро развернуть производство» [2, 02.03.2007].

Для китайских экспортёров обратной стороной «серой» оплаты таможенных пошлин является то обстоятельство, что груз, пересекающий границу без соответствующих документов, считается контрабандой неизвестного происхождения и подлежит конфискации. Действительно, китайские товары неоднократно подвергались проверкам и изъятиям. По китайским данным, только за 2000–2001 гг. российская милиция произвела более ста конфискации, изъяв товаров более чем на 100 млн. долл. [14, 31.03.2004].

Крупнейшая акция такого рода имела место в феврале 2004 г. на московском рынке «Альмирал», где китайские бизнесмены, главным образом из провинций Чжэцзян и Фуцзянь, арендовали более 300 контейнеров для торговли ширпотребом: в течение нескольких дней сотрудники Следственного комитета МВД изъяли 85% китайских товаров на сумму около 30 млн. долл. [20].

Ещё один вид незаконного отъёма китайских товаров, ущемляющий интересы российского государства и оставляющий все риски китайской стороне – это случаи прямого контрабандного ввоза больших партий продукции КНР через российскую таможню. В российской прессе описано (в самом отрывочном виде) несколько эпизодов подобного рода. Есть смысл перечислить их, чтобы дать представление, пусть и явно неполное, о гигантских масштабах, которые временами принимает «серый» и «чёрный» импорт из КНР (а может быть, и не только из КНР).

В марте 2005 г. на рынке «Садовод» под Москвой был произведён арест большой партии обуви, главным образом из г. Вэньчжоу, на сумму порядка 80 млн. юаней (более 10 млн. долл.) [4]. Причина ареста – отсутствие документов, подтверждающих прохождение таможенной очистки и право собственности на товар [3, с. 356]. Следственный комитет МВД РФ возбудил уголовное дело, в котором речь шла о 400 вагонах китайского ширпотреба [11, 02.10–14.10.2006, 22.11.2010, 24.11.2010], но результаты его общественной неизвестны.

В апреле 2007 г. Прокуратура Приморского края завершила предварительное следствие по делу одного из высших чиновников Дальневосточного таможенного управления. По данным следствия, в Приморье контрабандным путём были доставлены 515 контейнеров с различным товаром из КНР на сумму 1,3 млрд. руб., в результате чего казна недосчиталась свыше 400 млн. руб. таможенных платежей [11, 09.04–11.04.2007].

О контрабанде, обнаруженной в 2008 г. на Черкизовском рынке, мы уже рассказывали, там речь шла о товарах на сумму порядка двух миллиардов долл.

Чем завершаются дела подобного рода, несёт ли кто-нибудь наказания и какие именно, принимаются ли соответствующими российскими органами какие-то меры, чтобы не допустить повторения этих масштабных преступлений – для общественности остаётся секретом. Точно так же остаётся неизвестным, причастны ли к ним китайские компании или чиновники, и если да – то в чём заключается их причастность.

Как реагируют власти КНР на все эти налёты на произведенные в Китае товары?

1) Китайские власти самым энергичным образом встают на защиту своих соотечественников, требуя объективного расследования и возврата конфискованных товаров. История с «Черкизоном» – наглядный тому пример. Правительство КНР настойчиво выступает

против использования «серых» схем таможенной очистки, которая создаёт серьезные риски для китайского бизнеса, бьёт по экономическому сотрудничеству двух сторон, вносит элемент недоверия в их отношения. Кроме того, китайские предприниматели, проходящие таможенно нормальным способом, оказываются в невыгодном положении рядом с их недобросовестными конкурентами.

У китайской стороны есть серьёзный аргумент: посреднические компании открыто предлагают свои услуги и реализуют их, не подвергаясь никаким санкциям; следовательно, их деятельность является законной; но тогда столь же законным нужно считать и использование китайскими коммерсантами их услуг. К урегулированию конфликтов подключаются высокие дипломатические инстанции, и, таким образом, инциденты приобретают политическую окраску, внося диссонанс в общую атмосферу российско-китайских отношений.

2) Будучи заинтересованы в честной торговле, китайские власти обращают серьёзное внимание на контроль над экспортными товарами, требуют от предпринимателей строго соблюдать российские законы. Китайские ведомства, представительства в России, СМИ ведут большую разъяснительную работу с коммерсантами: информируют их об изменениях в российском таможенном законодательстве, убеждают в невыгодности, в конечном счёте, «серой растаможки» (стоит ли идти на риск потерять весь товар ради разницы между нею и законной таможенной очисткой: 28 тысяч долларов в первом случае и 30–40 тысяч во втором?).

3) Стремясь обезопасить своих соотечественников от опасных коллизий, китайская сторона охотно идёт на сотрудничество с российской. В 2003 г. проблема таможенной очистки обсуждалась во время встречи в Пекине премьеров М. Касьянова и Вэнь Цзябао. На следующий год была создана рабочая группа по упорядочению двусторонней торговли, был принят ряд документов. В тот же период в провинциях Чжэцзян, Сычуань и Цзилинь министерство торговли КНР и Минэкономразвития РФ организовали семинары по вопросам торгово-экономического сотрудничества, в том числе по таможенным проблемам. С китайской стороны в семинарах приняли участие более семисот фирм [3, с. 356]. В ходе диалога между заинтересованными ведомствами двух стран китайские официальные лица объясняют широкое использование «серой растаможки» в практике экспортёров завышенными таможенными пошлинами и, исходя из этого, настаивают на снижении пошлин и упрощении таможенных процедур.

4) С формально-юридической точки зрения претензии за «серую растаможку» можно предъявить обеим сторонам: и российским

брокерским компаниям, в порядке платной услуги волшебным образом проносящим товары невидимыми сквозь таможенные барьеры; и китайским коммерсантам, соблазняющимся услугами со скидкой, но зато не получающими необходимых таможенных документов. Однако реальная ответственность сторон за нарушения закона здесь далеко неодинакова.

В середине XIX – начале XX вв. китайская таможня находилась под контролем английских чиновников, что справедливо расценивалось в Китае как частичная утрата государственного суверенитета. Но российская таможня, а равно другие ведомства, имеющие отношение к её работе, управляются исключительно гражданами суверенной Российской Федерации, имеющими полную возможность установить там такие порядки, какие они считают нужными. Следовательно, на российской почве и таится корень зла, китайцы же не имеют к нему ни малейшего отношения. Какого рода этот корень, ни для кого не секрет – ни для россиян, ни для китайцев. «Для кадрового таможенника „серая растаможка“, заниженная таможенная стоимость и другие уловки – это бизнес... Оперативники называют все „серые“, „серенькие“ и „сероватые“ схемы одним словом: „контрабанда“» [9].

В своей профессиональной среде китайские эксперты говорят о том же, не боясь быть откровенными: «Фактически „серая растаможка“ представляет собой незаконный способ уклонения от налогов, существующий в России уже не один десяток лет. Самое главное – что все эти компании сплошь и рядом работают с позволения и одобрения российской таможни» [16].

Разумеется, в Китае ясно понимают социально-экономический субстрат этого явления: «Вокруг „серой растаможки“ и пакетной оплаты „транспорт плюс пошлины“ за годы их существования в России сложились группы интересов, чьи корни тесно переплетены между собой. Эти группы обладают огромным могуществом, ликвидировать „серую растаможку“ – значит закрыть им дорогу к обогащению, поэтому они всеми силами оттягивают момент ликвидации нерегулярной торговли» [18]. Учитывая всё это, китайская пресса справедливо утверждает: «Полностью решить проблему „серой растаможки“, переложив её на китайских предпринимателей, невозможно. Российские власти должны укрепить внутреннее управление, не давать ходу чиновникам, которые богатеют за счёт „серой растаможки“, бороться с теми должностными лицами, которые на этом делают состояние» [13, 04.07.2009].

5) Вместе с тем в условиях больших рисков для импорта китайская сторона выработала ещё один способ действий, самый специфичный,

я бы сказал, «самый китайский»: это – стремление как-то сгладить, смягчить неприятное впечатление от агрессивного поведения партнёра. Не оправдать, но объяснить какими-то объективными факторами социального или исторического характера, отодвинуть на задний план представление о злой воле или корыстных интересах обидчика. В таком ключе интерпретируется и «серая растаможка»: в дискуссии с российскими партнёрами признают «серую растаможку» «продуктом социальных перемен на начальном этапе трансформации российского общества», а также «одной из форм торговли, сложившейся в особых условиях развития экономик Китая и России при переходе к рынку» [6]. Другой способ «смикшировать» негативное восприятие этого феномена – изобразить его недолговечным. «Хотя „серую растаможку“ невозможно уничтожить в одно мгновение, её время истекает», – предсказывали китайские эксперты ещё в 2005 г. [5]. На самом деле она никуда не делась, и китайские коммерсанты продолжают страдать и жаловаться на неё.

В статье, упомянутой в начале доклада, предпринята новая интересная попытка «минимизировать обиды», дать в какой-то мере примирительное истолкование многократным фактам насильственного отъёма собственности у китайских коммерсантов. По мнению автора статьи д-ра Ван Вэй (Институт гуманитарных и общественных наук университета Цинхуа), «инцидентам, возникающим в ходе всё более тесного экономического сближения Китая и России, присущи не только политическое значение и экономические мотивы, – они имеют также культурные и психологические корни: национальную психологию, национальный характер» [1, с. 9]. Опираясь на работы Бердяева и других русских авторов, а также на китайские и западные источники, г-жа Ван Вэй приходит к заключению: «Русскому национальному духу присуще ощущение богоизбранности и мессианства» [1, с. 9]. «Российская нация чрезвычайно почитает государство и дорожит суверенитетом как высшей ценностью» [1, с. 11]. Между тем, растущее число мигрантов из КНР ведёт к распространению среди россиян опасений относительно «китайской угрозы».

И далее под этим углом зрения автор анализирует описанные нами действия российских силовиков: «Стесняя и подвергая ударам определённую экономическую деятельность иностранных коммерсантов, россияне, вероятно, считают, что это – вполне оправданные, разумные и необходимые шаги в защиту политической и экономической безопасности государства». Россияне конфискуют товар китайских коммерсантов, «полагая, что те создают угрозу государственным интересам». Они бесцеремонно закрыли «Черкизон», потому что «в

глазах россиян их нация есть нация богоизбранная, их земля – священная, и нельзя терпеть, чтобы на этой земле иностранцы перехватывали экономические выгоды у местного населения» [1, с. 11]. Д-р Ван Вэн позволяет себе лишь достаточно осторожную критику в адрес обидчиков: «Россиянам, попадающим под влияние односторонних опасений, нередко не хватает понимания других наций и толерантности к ним, потому что свои внутренние скрытые воззрения они неправомерно переносят на других» [1, с. 12]. Короче говоря, согласно рассуждениям автора, насилия над китайскими коммерсантами – это результат дефектов мировоззрения россиян, заблуждений их массового сознания, а не корысти не знающих удержу силовых структур.

Отмечает автор и особенности китайского национального характера, проявляющиеся в деятельности мигрантов и влияющие на отношение к ним местного населения. Это, во-первых, «проньрливостъ» (*тоуцзи*, что означает как умение приспособливаться, так и спекуляцию); во-вторых, стремление держаться замкнуто, обособленно, которое провоцирует настороженность окружающих. Впрочем, оно присуще только первому поколению мигрантов, тогда как последующие их поколения прекрасно вписываются в новую социальную среду [1, с. 14].

Очевидно, что цитированные теоретические построения китайских специалистов имеют и практические приложения. Они представляют собой идеологические установки для переговорщиков, ведущих непосредственный диалог с российской стороной. А, кроме того, для коммерсантов – чтобы как-то смягчить для них горечь от ударов, которые они получают в России, вооружить терпением, подбодрить, побудить их не уходить с выгодного для Китая российского рынка.

Это предположение подтверждается и таким фактом: внедряемый российскими властями с 2007 г. запрет для иностранцев на розничную торговлю на рынках, существенно затруднивший работу китайских коммерсантов, официальные лица в КНР объясняют им переходом России к новым, более прогрессивным и цивилизованным формам торговли. Посол КНР в России в одном из интервью заявил: «Осуществление нового российского закона может в краткосрочном плане негативно сказаться на китайских коммерсантах в России, но в перспективе будет ещё более благоприятным для их долгосрочной деятельности. Широкие круги коммерсантов должны приспособиться к новой обстановке и двигаться вперед. А посольство будет наставлять их и оказывать им содействие» [17]. И, действительно, китайские торговцы не покидают российский рынок, хотя по мере реализации закона о розничной торговле их число сокращается.

Насильственное отчуждение китайской собственности по большей части воспринимается российскими СМИ и массовым сознанием, неизбежно поверхностным, как малоуспешная, но справедливая борьба с китайскими контрабандистами. Такие взгляды распространяются с подачи российских чиновников или, по крайней мере, не опровергаются ими. Соответственно, раздражение россиян направляется на китайских мигрантов, мимо подлинных организаторов криминала, обитающих на российской стороне. В КНР же конфискации товаров, созданных трудом китайских рабочих и их же усилиями экспортированных в Россию, вызывают чувства обиды и гнева. Тут важно отметить, что использование «серой растаможки» у китайцев есть основания не считать незаконным, а участвует ли китайская сторона во ввозе в Россию крупных партий контрабандных товаров – никому не известно, и потому этот вопрос вообще не рассматривается.

Такая ситуация, помимо всего прочего, опасна тем, что омрачает атмосферу российско-китайского сотрудничества в каких-то его сегментах. В то же время терпеливо-примирительная позиция китайских властей способствует сохранению позитивного настроения во взаимоотношениях двух сторон.

Примечания

¹ 49% опрошенных согласились: «Правильно сделали, что закрыли – там процветали коррупция и контрабанда». 33% решили: «Нечего держать их в городе. Для оптовиков нужно сделать нормальные склады-магазины». 11% возразили: «Получилось, что в кризис десятки тысяч людей потеряли работу». И, наконец, 7% отметили: «Неправильно. У нас 95% одеваются с рынков».

Литература

1. Ван Вэй. Миньцзу сингэ юй синьли дуй Чжун Э лян го миньцзянь цзяован дэ инсян фэньси. И Церцзицзофу гуаньби вэй ли (Анализ влияния национального характера и психологии на народный обмен между Китаем и Россией на примере Черкизовского рынка) / Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю (История зарубежных китайцев). 2012. № 2.

2. Ведомости.

3. Деловой Китай / Российско-китайский центр торгово-экономического сотрудничества. М., 2006. Т. X–XI.

4. *Жэньминь жибао он-лайн*. 23.03.2005. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/3264240.htm>

5. *Жэньминь жибао он-лайн*. 30.06.2005. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/3509124.html>

6. *Жэньминь жибао он-лайн*. 30.07.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6714141.html>

7. Известия 15.07.2012. URL: <http://izvestia.ru/news/350735>

8. Коммерсант.
9. Коммерсантъ Деньги. № 8 (26). 01.03.2000.
10. *Дмитриев М.* Россия и Китай впервые разрабатывают план взаимного экономического сотрудничества. (16.06.2005) URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTrade/003/20051027113401_3489801.htm
11. Новая газета.
12. *Фан Нин, Ло Шусюн.* Элосы да шичан гуаньби шицзянь шимо (История закрытия большого российского рынка от начала до конца) // Чжунго дуйвай маои. 2009. № 11.
13. Хуаньцю шибао.
14. *Хэ Шаоси.* Чжун Э миныйцзянь маои хэ ши цзоучу «хуэйсэ тунгуань» ничжао (Когда «серая растаможка» в китайско-российской народной торговле вылезет из трясины?) // Моськэ хуажэнь бао. 31.03.2004.
15. *Чжан Цзяньжун.* Анализ явлений «серого бизнеса» в народной торговле между Россией и Китаем // ПДВ. 2005. № 1.
16. Чжунго фучжуан се мао ван (Китайская одежда и обувь). 29.10.2008.
17. Чжунго цяован. 20.01.2007. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/tzcy/hxw/200701/20/58486.shtml>
18. Шаньбу бу: циньчжэнь мяндуй элосы пигэ шичан (Министерство торговли: всерьёз повернуться лицом к российскому рынку кожи) // Чжунго цзинци ван. 19.03.2008.
19. GZT.RU. 09.07.2009.
20. People's Daily Online. 16.02.2004.
21. Regnum 22.07.2009. URL: <http://www.regnum.ru/news/1189017.html>
22. The Epoch Times. 08.07.2009.